

ВОПРОСЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Предлагаемая статья содержит материал для обсуждения проблематики представления в научном описании формул структурно-семантических моделей элементарных простых предложений. Обсуждаемые вопросы могут касаться материала не только тюркских, но и других языков разного типологического строя.

Сегодня в синтаксической науке вполне сложилось устойчивое представление о том, что элементарное простое предложение (ЭПП) является центральной единицей языковой системы. Элементарным мы называем такое простое предложение, которое состоит только из предиката, "верховного" члена предложения, непосредственно подчиненного ему необходимого "предметно-субстантив-ного окружения", – актантов и локализаторов. Локализаторами называем компоненты предложения при предикатах местонахождения и движения, столь же необходимых здесь, как актанты при предикатах действия, состояния и отношений.

Все "неэлементарные" предложения имеют в своей основе ЭПП. Все "допредложенческие" синтаксические формы, в частности, словосочетания, вычлениваются из ЭПП или из объединений ЭПП (например, группы однородных членов). Все синтаксические формы (более крупные, чем ЭПП) представляют собой продукт объединения двух и более ЭПП, подвергающихся при этом различным процессам редукционного типа, – например, ЭПП с адъективным предикатом редуцируется в непредикативное определение, ЭПП локализации – в обстоятельство места.

Недоступные прямому наблюдению языковые сущности (ЭПП) мы представляем моделями, в которых отражается наше понимание этих объектов. Обращение к моделированию, как специальной методике исследования ЭПП естественно следует из понимания этого объекта как знака синтаксического уровня, который не может быть представлен "в естественной форме", потому что конкретное лексическое наполнение синтаксических позиций характеризует фразу, на уровне сущности его нет. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты-позиции, которые мы представляем с помощью традиционных "символов-классов слов" *N, V, Adj, Adv*, где символ *N* сопровождается условными номерами падежей (*N1* – именительный (неопределенный), *N1* – родительный (притяжательный), *N3* – дательный, *N4* – винительный, *N5* – местный, *N6* – исходный, *N7* – творительный (инструментальный)). В близкой перспективе должен быть составлен твердый минимизированный список падежей и аналогичных им форм, обслуживающих необходимые компоненты моделей, с присвоенными им порядковыми номерами, пригодных для всех языков, но пока этот порядок ориентирован на тюркские парадигмы. Важно подчеркнуть, что под синтаксическим углом зрения эти символы приобретают более широкий, не морфологический, а синтаксический смысл. Так, символ *N4* подразумевает не столько форму винительного падежа, сколько позицию прямого объекта, которую замещают формы и неопределенного, и исходного (частичного) падежей.

План содержания моделей представляет семантическая запись, в которой используются вопросительно-относительные местоимения. Предикаты, управляющие актантами и локализаторами, должны, в принципе, фиксироваться в семантической записи как имена отношений, но пока этот вопрос еще находится в стадии доработки.

Общее множество моделей каждого языка рассматривается нами как система, все члены которой связаны между собой разными типами отношений. Система представлена

подсистемами, объединяющими и взаимно противопоставляющими подмножества моделей, в каких-то отношениях однородных.

1. Двусоставные модели, которых большинство, противопоставлены немногочисленным односоставным.

1.1. Подмножество тюркских односоставных моделей невелико, оно не содержит глагольных моделей, но содержит две основные именные модели – $\{N3 Adj (cop)\}$; $\{N5 Adv (cop)\}$. Относительно элементарности предложений с инфинитивными предикатами (жить было легко) возможны разные мнения.

1.2. Среди двусоставных моделей выделяются далее три взаимно противопоставленные подсистемы моделей.

2. Это, во-первых, модели с глагольными предикатами, управляющими актантами (глагольные модели), во-вторых, модели с различными именными предикатами (именные модели), и, в-третьих, подсистема моделей, в которой противопоставленность глагольных и именных предикатов, а также и переходных / непереходных глаголов в известной мере нейтрализуется. В формальном отношении эти модели характеризуются вхождением локализаторов, а в функционально-семантическом плане – своей ориентацией на выражение пространственных отношений.

2.1. Глагольные модели на следующем шаге делятся на две подсистемы: одна представлена моделями, формируемыми переходными глаголами, описывающими разные типы действий, вторая – моделями, формируемыми непереходными глаголами, описывающими "безобъектные" процессы и состояния.

2.2. Именные двусоставные модели образуют единую подсистему. Они выражают три основных типа значений: отнесение объекта к классу, качественно-оценочная характеристика объекта (двухкомпонентные модели, состоящие из подлежащего и сказуемого) и отношение (трехкомпонентные модели) и третий – имя отношения.

2.3. Третья подсистема, модели "пространственной ориентации", разделяется далее на подсистему моделей местонахождения (включая значения, наличия /отсутствия и существования) и очень объемную и сложно организованную подсистему моделей движения и перемещения объекта, которая в ходе дальнейших исследований будет объектом пристального внимания.

Особо нужно сказать о модели (или моделях), структурную формулу которых на данном этапе работы мы представляем формулой $\{NI V\}$. Это формула глагольно-предикативного узла и одновременно – "базовая" формула для всех предложений, формируемых непереходными глаголами. Но все формулы таких ЭПИ, кроме этой, различаются формами (а соответственно, и функциями) своих "вторых актантов". В данном же случае таковых нет – речь идет о предложениях, не содержащих никаких позиций необходимых участников пропозиции, кроме ее субъекта. Самая простая структурная схема совершенно закономерно содержательно оказывается очень сложной и противоречивой. Уже сейчас есть веские основания предполагать, что за нею скрываются отношения (я называю их "псевдоомонимией"), которые имеют место не на уровне моделируемых объектов, а на уровне описания; чтобы преодолеть эту ошибку, нужно совершенствоваться метаязык, что связано и с разработкой теории, и с углубленным анализом эмпирического материала по изучаемым языкам.

Наше исследование предполагает выявление и фиксацию моделей, составляющих каждую из намеченных выше подсистем, а затем исследование системных отношений между моделями в рамках этих подсистем. Системные отношения связывают и взаимно противопоставляют модели как в содержательном, так и в формальном планах.

В формальном плане прежде всего привлекает внимание проблема структурного варьирования модели, т.е. различные возможности выражения одного и того же компонента пропозиции. Наряду с относительно простыми случаями типа варьирования падежных форм прямого объекта выявляются и более сложные отношения – например:

между формами локализаторов местонахождения (где) и ориентации движения или перемещения объекта (куда, откуда). Заслуживают внимания отношения между местным и дательным падежом, выбор между которыми в тувинском языке связан с грамматическим временем, в котором строится фраза. При глаголах перемещения (помещения) объекта выбор между этими падежами, как мне представляется, связан с интерпретацией самого действия в сознании говорящего (а соответственно, и в речи). Например: спрятать, положить – куда/кому или где/у кого, но отнести – только куда/кому. Но нередко мотивировать выбор оказывается гораздо труднее.

В содержательном плане в центре внимания оказывается полисемия, т.е. семантическое варьирование моделей, обусловленное типовой лексической семантикой компонентов. Типовая лексическая семантика предполагает принадлежность лексемы, занимающей ту или иную позицию модели, к определенному классу: обозначения человека (лицо), животных, растений, артефактов, пространств, абстрактных понятий и представлений. "Границей полисемии", как и в лексикологии, является, видимо, омонимия; но это специфическая синтаксическая "псевдоомонимия". Подлинной омонимии между моделями быть не может, так как знаки языка, модели не имеют конкретно-материального плана выражения, который мог бы совпадать или не совпадать с чем-то другим. Но когда они становятся объектом исследования, возникает необходимость так или иначе представить их. Записать буквами (словами) можно только фразу. Записывая модели при помощи символов, составляющих формулу, "структурную схему", мы сталкиваемся с тем, что одна формула иногда соответствует разным смыслам, таким, что оценить их как семантическое варьирование не представляется возможным.

Серьезного внимания заслуживают отношения типа синонимии, понимаемой как относительная, но в то же время достаточно близкая смысловая близость – вопреки различиям в структурной организации предложения. Вообще же исследования содержательных отношений (и, в частности, синонимии как смысловой близости) применительно к моделям ЭПП потребует, видимо, серьезного пересмотра и доработки тех теоретических представлений и ожиданий, которые подсказываются из логики исследования.

Литература:

1. Абдуллаев С.Н. Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгурском языке. – Каракол, 1992.
2. Белошапкина В.А. Структурная схема предложения// Современный русский язык/ Под ред. Белошапкиной В.А. – М., 1981; 2-е изд., 1989.
3. Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири//Гуманитарные науки в Сибири. – 1996, № 4.
4. Черемисина М.И. О системности в сфере моделей предложения//Строение предложения в языках разных систем. – Новосибирск, 1992.
5. Черемисина М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложений.//Предложение в языках Сибири. – Новосибирск, 1989.
6. Черемисина М.И., Колосова Т.А. О структурной модели и семантике предложения//Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск: НГУ, 1994.